

На верхних этажах за окнами стояли преподаватели и наблюдали, как снизу снуют новички. Год за годом — одно и то же, но всё равно интересно.

— Брат, ну ты хоть выгляни на минутку, — лениво протянул Чжоу Цзиншуо, нависая через перила балкона. — Уже ж почти обручились, даже если не в восторге — надо хотя бы для приличия показаться. Сегодня ведь у него день рождения. Ты ж не можешь просто взять, использовать — и выбросить?

Он выразительно подмигнул Гу Янье.

— Он тебя до такой степени любит, что даже согласен, чтобы ты потом хоть гарем завёл, хоть с десяток бастардов наплодил — лишь бы ты на свадьбу пришёл. Уважить человека надо.

— Ладно тебе, — хмыкнул другой, сидя в кресле. — Чем больше ты его уговариваешь, тем больше он злится. А мы сюда вообще-то пришли лекцию слушать от уважаемого господина Гу, а не семейную драму разбирать.

— Да что там слушать, — фыркнул Чжоу Цзиншуо. — Очередной проходной пафос. Показуха перед первокурсниками.

— Подарок я уже передал, — тихо сказал Гу Янье.

Он сидел, закинув ногу на ногу, небрежно расстегнул верхнюю пуговицу на мундире, стянул галстук и закурил сигару, лениво прокручивая её в пальцах.

— Не хочу возиться с омегами.

Окружающие расхохотались.

— Мы тут до сих пор не можем понять, какие омеги тебе вообще по вкусу. Говорят, уже лет пять подыскиваешь кого-то «подходящего», но всех, кто сам к тебе липнет, ты одним взглядом отшиваешь. Даже тот, кого Цинъюй нахваливал как подарок судьбы — и того забраковал. Ты, наверное, самый привередливый человек в Империи.

— Неудивительно, что твой будущий супруг считает тебя верным и благородным альфой. Да ещё и такую фразу вбросил — мол, сколько бы у тебя ни было любовниц и бастардов, всё приму.

С тех пор как Чжоу Цзиншуо подолгу стал проводить время с Гу Янем, он начал припоминать, как его брат смотрел на разных омег. Понаблюдав, прикинул — и выдал с умом:

— Мой брат, знаешь, на каких западает? Ему подавай таких — рост под метр восемьдесят, ноги от ушей, талия тонкая, весь такой изящный, белокожий, начитанный, с большими глазами, с длинными ресницами. Чтобы улыбался почаще, готовить умел, к нему — ласковый и послушный, но с чужими — характер показывал. Волосы бы ещё посветлее... и чтоб не манерный, без этих слащавых штучек... — он махнул рукой, будто и сам поразился, сколько всего набралось. — Да-да, ещё кое-что...

— Ух ты, будто по техзаданию отбираешь, — кто-то хмыкнул. — Омегу под метр восемьдесят ещё попробуй найди — и так дефицит, а тут целый список! Может, тебе проще робота на заказ собрать?

— Эй, эй, погодите! — кто-то вскрикнул. — Смотрите туда! Вот этот! Прямо как по списку! Один в один!

Несколько парней подошли к окну и уставились вниз, возбуждённо загомонив:

— Ну надо же... Ищи-свищи, а он сам мимо идёт. И рост, и ноги, и талия... Всё на месте. Разве что худоват — но это лечится.

— И, говорят, учёный.

— Ну ещё бы, в Императорский университет дураков не берут, — усмехнулся один.

— А лицо! Глаза, нос — всё на месте. Волосы светлые... Только вот не улыбочивый. Интересно, готовит ли?

— Да ерунда. Дай денег — и улыбнётся. Я таких, чтоб на деньги не реагировали, в жизни не видел. А готовить — научится. Но вот рост... вдруг он бета?

Гу Янь только закатил глаза. Скучно до невозможности — он и слушать не хотел.

А Чжоу Цзиншуо, распахав приятелей, сам выглянул в окно. И не выдержал:

— Охренеть, брат, смотри! Это же он! Ну вот прямо с картинки из твоей головы вышел!

Гу Янь скептически повёл бровью. Брат с детства рядом, но и он туда же? Наверняка сговорились, чтобы поддеть. Не особо веря, лениво скользнул взглядом вниз.

Но сколько студентов проходило мимо, один за другим — он сразу увидел его.

Старое, почти забытое, будто пыльное, чувство всколыхнулось, как волна. Лицо, стёртое

временем, наложилось на фигуру внизу и вдруг стало чётким.

Мир будто треснул на двое. Гу Янь и забыл уже, что когда-то вообще был в его жизни этот случайный, почти мимолётный роман. Лёгкий, как ветер, беспечный, как бывшее лето.

Это был Сюй Сяочжэнь. Он сильно изменился. Волосы отросли, стал ещё худее, чем раньше. Исчез тот прежний блеск — весь вид уставший, выдохшийся. Взгляд потухший, одежда — бесформенная, мешковатая, как будто позаимствована у кого-то.словно запылённая мышка затерялась в толпе: серый, неприметный, совершенно не возбуждающий желания.

Гу Янь вытянул из глубин сознания обрывки воспоминаний: раньше Сюй Сяочжэнь был как дикорастущая трава — яркий, живой, цепляющий. А теперь... Сердце, что в первый миг вздрогнуло, успокоилось, и на его месте осталась лишь странная, неоформленная досада. Ни жалости, ни любви — просто лёгкое, непрощеное сожаление.

— Так себе, — бросил он коротко, затянулся сигарой, отвёл взгляд и, не оборачиваясь, отвернулся от окна.

Вот тебе м "омега-мечта"... Не впечатлён? Вкус снова изменился? Чжоу Цзиншуо фыркнул, пожал плечами:

— С тобой сложнее, чем с погодой в июне.

А Сюй Сяочжэнь тем временем, получив ключи, понял — ему достался не просто пропуск в общагу, а целый «подарочный набор».

Внутри: две студенческие карты, новейший коммуникатор (прокачанный аналог телефона), SIM-карта и даже ноутбук.

Эти вещи достались ему бесплатно — даже за обучение не пришлось платить ни юаня.

Студенческая карта тут — не просто пропуск. С её помощью можно открыть вход в блок общежития, свою комнату, двери учебных корпусов и лабораторий, расплатиться в столовой. Более того, она даёт право бесплатно пользоваться всем общественным транспортом страны. Универсальная карта, по-настоящему.

Получив всё необходимое, он не пошёл сразу в общежитие. Вместо этого обошёл кампус по кругу, запоминая, где какое здание и зачем нужно. На всякий случай.

В этом месте, если сам о себе не позаботишься, никто и не подумает помочь.

Когда он вернулся, уже начинало смеркаться. Перед дверью в комнату лежала груда

выброшенных вещей. Он покопался — на бирках значилось его имя.

Бета с самого дна. Его притеснение — дело привычное и, казалось бы, само собой разумеющееся.

Но Сюй Сяочжэнь с утра мотался по всему университету, устал так, что хотелось просто упасть и отключиться. Он собирался лечь пораньше.

Да и враждовать он не боялся. Он сюда не за тем пришёл, чтобы нравиться. В конце концов, у него и планов-то на долгую жизнь не было.

Он сжал зубы, поднатужился, подхватил свёрток с одеялом, подошёл к двери и с размаху пнул её. Вошёл, как к себе домой, проигнорировав взгляды — кто с отвращением, кто в ступоре.

Подошёл к своей койке, сгреб чужие мелочи в кучу и швырнул их на пол. На освободившееся место постелил своё.

Четыре человека в комнате. Чтобы избежать проблем, администрация расселяла по половому признаку, так что здесь были только беты — все с разных факультетов, но парни.

Они уставились на него, как на привидение: глаза округлились, у кого-то дёрнулся уголок рта. Сюй Сяочжэнь будто не замечал ни их, ни их шока. Спокойно раскладывал вещи, как будто один в комнате.

У него было мрачное, закрытое лицо. Ни слова — ни оправданий, ни объяснений. Не напоминал нищего из восемнадцатого сектора, который с порога готов пресмыкаться. Не дрожал, не вытирал слёзы кулачком, не выглядел жалким.

Он будто бы вообще ничего не боялся. Откуда только бралась такая внутренняя броня — непонятно. Но казалось, стоит кому-то из них вякнуть хоть слово, он без раздумий размозжит голову.

Выброшенное одеяло — это и акт издевательства, и проверка. Но босой не боится того, кто в ботинках. А Сюй Сяочжэнь — точно был босым.

Соседи молча начали собирать вещи, которые он смахнул.

Один из них, порывшись, достал дорогие сладости и поставил на столик Сюя:

— Прости. Мы подумали, ты не приедешь, раз до вечера не появлялся. Поэтому и положили свои вещи на твою кровать. Не держи зла.

Сюй Сяочжэнь действительно был вымотан. У него не осталось сил на разговоры и разборки. Он просто кивнул, открыл ящик стола, смахнул туда конфеты, молниеносно умылся, забрался под одеяло и уснул — всё это за пару минут.

Трое других смотрели на него с тем же немым изумлением.

Они переглянулись: этот бета из Восемнадцатого округа точно не так прост. Неудивительно, что осмелился подать документы на политфак.

Гу Янь только что закончил читать лекцию, и кто-то из администрации предложил показать ему кампус. Он должен был отказаться — так требовал рациональный Гу Янь, — но тело решило иначе: он кивнул раньше, чем успел подумать.

Где бы он ни появлялся — вокруг тут же собирался целый оркестр: кто смеялся, кто заискивал, кто распахивал двери перед ним. Его сопровождали с такой помпой, что даже официальные «принцы» Империи получали меньше внимания.

Он держался прямо, уверенно, взгляды скользили по лицам, скопившимся вдоль коридоров — студенты смотрели с любопытством, кто-то исподтишка, кто-то в открытую. Но нужного человека он так и не нашёл.

Его лицо помрачнело, глаза опустились:

— Всё. На сегодня достаточно. У меня дела, — бросил он и, не дожидаясь согласия, развернулся.

Представители администрации растерянно моргнули. Только что был приветлив — и вдруг вот так... Но возразить никто не посмел: с поклоном проводили до выхода.

Чжоу Янь в тот вечер не пошёл на день рождения своей мягкой, воспитанной, по всем параметрам идеальной невесты Чэнь Баочжу. Вместо этого он поехал в свою собственную квартиру.

Несколько лет назад его тётя — она же по совместительству и мачеха — родила альфу, девочку. А когда в семье два доминантных альфа, конкуренция за наследство становится вопросом времени. С тех пор он редко появлялся в особняке Чжоу.

Когда учился в военной академии, почти круглый год проводил на базе. Домой приезжал разве что на праздники. Всё остальное время — принадлежало только ему.

И, по правде говоря, жил он эти годы на полную катушку. Учёба, интриги, борьба за влияние, политические игры. А в перерывах — дегустации вин, конные прогулки, яхты, стрельбища, экстремальные тренировки. Было слишком много событий, слишком много вкусов, чтобы где-то там, в глубине, вспоминать Сюй Сяочжэня.

Только иногда, когда Чжоу Цзиншуо с ехидцей поддевал его, мол, а помнишь, у тебя в Восемнадцатом кто-то был, — он вдруг вспоминал: да, был там один...

Но это было мгновение — как слабый запах из прошлого, который моментально забывает что-то новое, яркое. Гу Янь тут же растворялся в водовороте свежих впечатлений.

У панорамного окна в просторной гостиной светились лишь две лампы. В мягком полумраке он смотрел на ночной город, мерцающий за стеклом.

Гу Янь открыл бутылку вина, плеснул себе пол бокала и долго, не мигая, вглядывался в бокал.

Прошло уже пять лет с тех пор, как он вернулся. И теперь, оглядываясь на себя восемнадцатилетнего, он лишь усмехался — до чего же был наивен.

Какой топовый альфа обходится без любовников? Даже самые «преданные» омеги, и те находят себе утешение на стороне. Он тогда и правда был глуп. Всё думал, что Сюй Сяочжэнь — слишком низкого происхождения, не достоин его. А ведь самое логичное — было просто забрать его к себе. В качестве игрушки и содержанца.

Даже самый вкусный десерт приедается, если есть его постоянно. Лучше уж попробовать разок, но чтобы потом не забыть вкус. Сюй Сяочжэнь и был тем самым лакомством, которое он когда-то не доел. Уехал слишком резко, а когда вернулся — десерт уже испортился.

Он и сейчас смотрел на него с лёгким внутренним зудом. Но уже не с тем же влечением. Скорее — привычка, остаточный интерес. Съесть вроде и не хочется, а выбросить — жалко. Лучше бы тогда наелся до отвращения — и не вспоминал бы.

На второй день лекций можно было не приходить, но Гу Янь всё же пошёл. Он всё ещё не решил, хочет ли съесть этот десерт — но точно знал, что хочет его увидеть.

Чжоу Цзиншуо снова привёл с собой группу поддержки. До начала они сидели у тех же арок, что и вчера.

У него не было ни терпения, ни интереса. Он лениво облокотился на перила, оглядывая проходящих студентов, комментируя их одежду и делая ставки, кто из них придёт на лекцию Гу Яня.

— Эй! Опять он! — вдруг оживился Чжоу Цзиншуо. — Похоже, попал в переделку!

Он вскрикнул с радостным возбуждением.

Гу Янь неосознанно взглянул вниз.

Суй Сяочжэнь сегодня собрал волосы в хвост. От висков спускалась тонкая прядь, щекочаще цеплявшая взгляд. Невольно возникало желание... дотронуться.

Чжоу Цзиншуо присвистнул — с откровенной наглостью, почти как у уличного ловеласа.

Суй Сяочжэня прижали к стенке несколько студентов.

Нет, они не были уличными гопниками — наоборот, представители столичного имперского вуза, с воспитанием, с фамилиями. Но взгляд у них был такой, что отрезвлял.

— Говорят, ты из Восемнадцатого? — один из них деланно вежливо улыбнулся. — Мы там никогда не были. Расскажешь, как оно там? Сильно отличается от Первого?

— Говорят, там грязь, вонь и везде снующие беты, справляющие нужду прямо на улице... — другой театрально скривился и замахал рукой у носа. — Правда, Сяо Чжэнь?

Они не трогали его руками. Их цель была не нападение — а унижение.

Суй Сяочжэнь не выглядел хоть сколько-нибудь задетым. Если это — попытка унижить, то его жизнь и раньше напоминала круглый год под градом, ветром и ударами ножа.

Он бы и вовсе прошёл мимо, но эти несколько человек так и не собирались отступить с его дороги.

Он слишком давно ни с кем не говорил, язык будто заржавел. Так что выбрал самый прямолинейный способ: поднял с газона два грязных комья земли — и зашвырнул в обидчиков.

Изнеженные мальчики и девочки тут же с визгом рассыпались в стороны.

— Ты что, больной?! Земля же грязная! — завопила одна из девиц.

Сюй Сяочжэнь вновь опустился к земле, сделал вид, что готовится запустить ещё:

— Я... из Восемнадцатого... конечно, больной.

Их план провалился. Вместо того чтобы довести парня до слёз и заставить бросить учёбу, они получили грязью по лицу. А деревенщина, как видно, и не собирался стыдиться.

Наверху, на галерее, Гу Янь и его спутники не слышали, что именно говорил Сюй Сяочжэнь. Но по его движениям и реакции было несложно догадаться.

Чжоу Цзиншуо разразился хохотом:

— Вот это характер! Эй, погодите... почему он мне кажется таким знакомым?.. — Он смеялся, пока вдруг не замер, как вкопанный. Лицо вплотную прилипло к стеклу, глаза округлились. — Брат! Это же... это он! Тот самый! Ну теперь понятно, чего он тебе в душу лез — он же вылитый твой вкус!

Все одновременно повернулись к Гу Яню.

Тот по-прежнему смотрел вниз, взгляд был прикован к Сюй Сяочжэню. Он не замечал, как сигара уже обожгла ему пальцы.

Чжоу Цзиншуо позвал его ещё раз, и только тогда тот очнулся.

Мёртвое сердце Гу Яня будто пробудилось, гулкое и плотное, стучащее изнутри. Что-то, будто прорастая, чесалось в груди.

Только спустя несколько секунд он вновь надел маску надменности, повёл подбородком:

— Добрался-таки. Упрямый. Ну, если так старается — можно и... пожалуй, дать ему место любовника.

Изменился он не сильно. Всё ещё есть, за что зацепиться. Этот “просроченный десерт” — Сюй Сяочжэнь — может, и стоит того, чтобы попробовать ещё разок.

Но в глубокие чувства он не собирался погружаться. Всё, что было в прошлом, — там и останется. К тому же, зная характер Сюй Сяочжэня, если он вдруг узнает правду... там будет не сцена, а ураган. И никому не покажется мало.

Одна только мысль об этом утомляла Гу Яня. Ни времени, ни желания на уговоры у него не было.

Можно, конечно, засыпать его деньгами — но вряд ли Сюй Сяочжэнь тот, кто склонит голову за пачку кредитов. Его чувства — если уж они возникали — были слишком настоящими, слишком густыми.

Сюй Сяочжэнь умел любить так, что забыть это было невозможно. Это была любовь с привкусом засахаренного боярышника — чуть кислая, но пронзительно-сладкая, до мурашек.

Позже, просматривая учебный план, Сюй Сяочжэнь заметил, что у него появилась дополнительная дисциплина — практика стрельбы. Преподаватель числился как “засекреченный”.

В Империи ношение оружия было нормой — у госслужащих, начиная с самых низов, был официальный доступ к личному оружию. Так что курс действительно был полезен.

Первое занятие проходило на стрельбище в зоне С кампуса. Сюй Сяочжэнь пришёл заранее, уже в защитном жилете и перчатках.

На площадке было почти пусто. Несколько студентов стояли группами по двое-трое, перешёпывались — и украдкой бросали взгляды в его сторону.

Но Сюй не обращал внимания. Он сел на ступени, аккуратно закатал рукав, чтобы не поцарапать красную верёвку и часы, и снова прикрыл это всё манжетой.

Прошло немного времени — и на полигон вошёл высокий, стройный мужчина. Он двигался против света, и лицо терялось в тени, видно было лишь силуэт. Длинные ноги, тонкая талия, широкие плечи, уверенная выправка. От него тянуло дорогим мужским парфюмом — аромат чувствовался даже на расстоянии.

Вероятно, преподаватель по стрельбе.

Сюй Сяочжэнь поднялся, встал в строй, опустил голову и стал перезаплетать волосы.

Никто не хотел стоять рядом с ним — вокруг него образовалась пустота.

Кто-то осторожно зацепил спадающую прядь, которую он не успел заправить.

Тонкие, мужественные пальцы — сухие, с отчётливыми суставами.

Жест был безмолвным, но однозначным.

Аромат стал ближе, окутал, будто обволакивающее облако. В нём было что-то опасное и изысканное. Сюй Сяочжэнь вдруг почувствовал, что оказался в замкнутом, тесном пространстве — как будто кто-то закрыл над ним колпак.

Он замер, опустив голову, поблагодарил, забрал из рук того человека рассыпавшиеся волосы.

Прохладное прикосновение скользнуло по пальцам Гу Яня, и он, почти не осознавая, слегка повёл ими, будто зацепился за ощущение.

Сюй Сяочжэнь закончился собирать волосы, поднял взгляд — и... встретился глазами с его лицом.

Зрачки Сюй Сяочжэня резко сузились. Всё тело содрогнулось — будто удар пришёлся в самое сердце.

Он решил, что у него начались галлюцинации. Или зрение снова подводит. Он впился ногтями в ладонь до боли, прищурился, вглядываясь в лицо перед собой...

Чжоу Янь.

Он бы узнал это лицо даже в пепле. Даже по обуглённому силуэту.

В мире не бывает двух одинаковых людей. Никогда.

Это он. Это он!

Как он мог не узнать своего любимого?

Для него время остановилось в тот самый день, когда Чжоу Янь погиб.

Сегодня — ровно пять лет, один месяц и три дня с той минуты.

Он считал каждый из этих тысяча восемьсот пятьдесят восьми дней. Каждый прожил в тоске.

Он стал немного темнее кожей, черты лица стали резче, телосложение — крепче. На открытых руках проступали сильные, рельефные мышцы. В каждом движении теперь была взрослая, собранная грация.

Но это был он.

<http://bllate.org/book/14462/1279146>